

В.П.КОВАЛЕНКО, П.А.РАППОПОРТ
**НОВЫЙ ПАМЯТНИК ВИЗАНТИЙСКОГО ЗОДЧЕСТВА
НА ЧЕРНИГОВСКОМ ДЕТИНЦЕ**

Статья посвящена публикации открытого на Черниговском детинце неизвестного ранее памятника византийского зодчества XI в. — небольшой четырехстолпной трехапсидной церкви с подземным этажом-усыпальницей. Типологические и строительно-технические особенности памятника позволяют предполагать, что храм был возведен в 70–80-х годах XI в. константинопольскими мастерами по заказу Владимира Мономаха.

В 1985 г. в ходе работ Черниговской археологической экспедиции в северо-восточной части детинца в 20 км к западу от остатков ворот начала XIII в., служивших парадным въездом на новый княжеский двор второй половины XII — первой половины XIII в., был открыт новый памятник древнерусской монументальной архитектуры. В 1986 г. постройку удалось вскрыть полностью¹, за исключением полосы теплотрассы, перекрывшей ее южную апсиду и отрезавшей северную и центральную апсиды от основного помещения. Выяснилось, что от древнего памятника сохранились не только фундаменты, но и нижние части стен, поднимающиеся местами на высоту до 0,8 м над уровнем древней поверхности, что позволило с достаточной полнотой реконструировать план здания и ряд его конструктивных и типологических особенностей.

Раскопанный памятник оказался небольшой четырехстолпной церковью с тремя апсидами. Длина ее 14,9, ширины 11,8 м, ориентация продольной оси 62° (рис. 1).

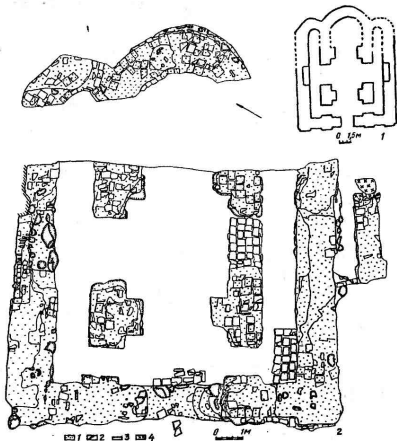
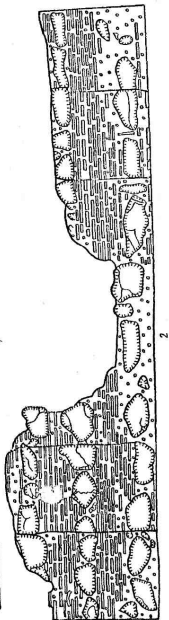
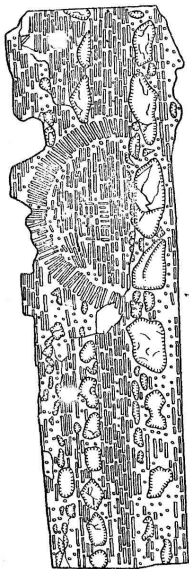

Рис. 1. План (1) и реконструкция раскопанного сооружения:
1 — цемянка; 2 — камень; 3 — плинфа; 4 — шифер

Стены здания сложены из кирпича-плинфы хорошей формовки и обжига (33–34,5 x 27 x 3–3,5 см) желтого, белого, розового цвета с прослойками камней (рис. 2). Встречаются плинфы и меньшего размера — 27 x 16–17,5 x 3,5–4 см. На торцах многих из них имеются выпуклые знаки, реже — метки на постелистой стороне, выполненные по сырой глине. Всего (в кладке и в развале) отмечено 485 плинф со знаками на торцах (рис. 3). Среди них наиболее многочисленны знаки в виде кириллических и глаголических букв (17 видов, большинство из которых имеют от двух до пяти вариантов, образующихся с помощью отпятньшей, рубежей и различных комбинаций самих букв — всего 307 экз.). Чаще других встречены знаки типа букв "V" (49 экз.),

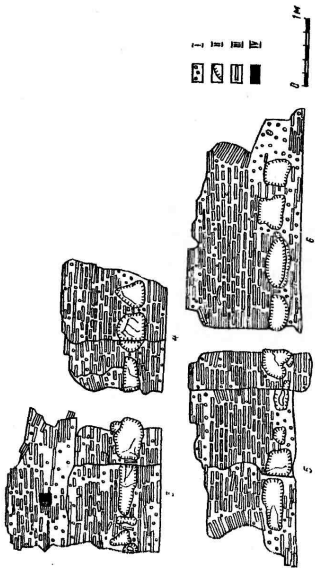

Рис. 2. Фасады:

I — цемента; *II* — камень; *III* — плифа; *IV* — гнезда. *1* — внутренняя поверхность северной стены; *2* — внутренняя поверхность западной стены; *3* — западная поверхность северо-восточного столба; *4* — южная поверхность северо-восточного столба; *5* — северная поверхность юго-западного столба; *6* — южная поверхность юго-западного столба

"М" (48 экз.), "ЮС" (38 экз.), "Н" (36 экз.), "Х" (25 экз.), "N" (14 экз.) и др. Геометрические знаки (73 экз.) представлены 12 видами (различные комбинации 1—6 рубежей, полукруг, ломаная линия). Так называемые княжеские знаки (86 экз.) 10 видов. Из них 6 — различные варианты "двузубца" и 3 — "трезубца", а 1 — знак типа "двусторонней вилки". Реже других встречаются знаки в виде различных вариаций креста (19 экз.). Знаки размещены большей частью на коротком торце, хотя встречаются и на длинном. В пяти случаях на одной и той же плинфе обнаружены два разных знака на разных торцах.

Метки на постелистой стороне плинфы выявлены в количестве 67 экз. и делятся на 7 групп: один рубеж (16 экз., 3 варианта); два рубежа (7 экз.), крест (2 экз.), дуга (28 экз., 4 варианта), точки (9 экз., 2 варианта), буква "ш" (4 экз.), "княжеский знак" (1 экз.), (рис. 4, 1—3). Необходимо отметить, что в 14 случаях зафиксировано сочетание знаков на торцах плинф и меток на постели².

Внешние стены памятника повреждены, но все же достаточно хорошо видно, что каждый второй ряд плинф отступает от лицевой поверхности примерно на 1—1,5 см, причем на плинфах углубленных рядов кое-где сохранились следы раствора. Это несомненно свидетельствует, что здесь применена так называемая кладка со скрытым рядом. Раствор в кладке кремовый, известковое вяжущее составляет около 50%. Заполнителем раствора служит цемянка (толченая плинфа) двух цветов — розовая и светло-желтая с размером зерен от 0,5 до 2,0 см и даже до 3,5 см и лишь в незначительном количестве более мелких. В растворе большое количество глинистых частиц; впрочем, глина может быть не специальной добавкой, а могла попасть в качестве примеси мергелистого известняка.

Через каждые 30—50 см высоты кладки проложены ряды довольно крупных, грубо отесанных камней, проходящих насквозь через кладку и откровенно выраженных на фасадах (рис. 2). На уровне древней поверхности из кладки наружных стен выступает ряд плинф, образующих вымостку над фундаментом. Впрочем, такая вымостка прослеживается далеко не на всех участках, и во многих местах кладка стен непосредственно переходит в кладку фундамента.

Фундамент здания мало отличается от стен, хотя более или менее тщательная обработка поверхности прослеживается только в интерьере, тогда как снаружи кладка менее регулярна и больше закрыта раствором. В его нижней части (на 1 м от подошвы) он сложен из камней размером 20—30 см настолько густо залитых раствором, что представляет собой сплошной монолит. Выше 6—8 рядов плинфы идет слой камней (до 0,35 см) в растворе, поверх которых — новый ряд плинф. Фундамент апсидной части храма состоит из чередующихся рядов камня и плинфы на растворе. Глубина фундаментов 1,70—1,75 м, а в центральной апсиде почти 2 м; они прорезают культурный слой и врезаны в материковый грунт (светлая супесь с прослойками суглинка и гли-

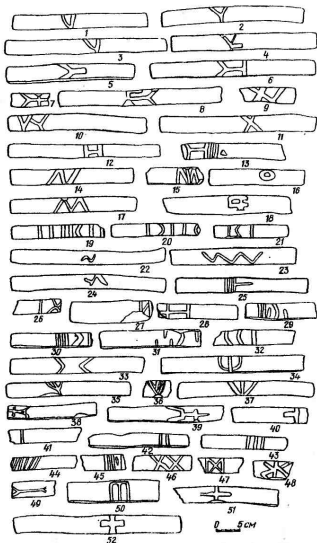

Рис. 3. Знаки на торцах плинф

ны) примерно на 1 м, то есть опущены на 0,30–0,40 м ниже уровня пола здания. Ширина фундамента 1,50–1,60 м, книзу он несколько сужается. Под фундаментом обнаружены следы деревянных лежней (рис. 5).

Толщина стен здания 1,2–1,4 (рис. 1). Стены снаружи расчленялись плоскими лопатками, расположенными соответственно размещению внутренних столбов. Судя по единственной полностью сохранив-

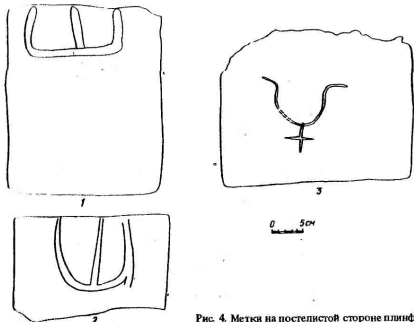

Рис. 4. Метки на постелистой стороне плинф

шейся лопатке на западной стене, ширина их достигала 1 м, а вынос от поверхности стен около 20 см. Угловые лопатки были, по-видимому, несколько больше — шириной 1,2 м и высотой от стены 30 см. Основание лопаток опиралось на вымостку из плинфы над фундаментом. Наружная поверхность апсид гладкая, не имеющая тяг.

Единственный вход в помещение расположен с запада. Ширина входного портала около 2 м. Порог на высоте 60 см от пола и на 80 см ниже уровня древней поверхности земли. Очевидно, перед входом находился приямок с лестницей. В интерьере у порога входа обнаружены аккуратно уложенные плинфы и обломки больших шиферных плит, — вероятно, остатки лестницы, ведущей внутрь.

Пол помещения на глубине 1,4–1,5 м ниже уровня древней дневной поверхности был покрыт известковым раствором, под которым лежит ровный слой обломков плинф и мелких камней. Под полом в направлении с севера на юг проходили деревянные лежни, от которых сохранились отпечатки (рис. 5). Три таких лежня шли от северной стены к северо-восточному столбу и еще три — от северной стены к северо-западному столбу и далее к юго-западному*. Лежни имели ширину 15–20 см и такую же толщину. В местах пересечения лежней обнаружены железные костыли длиной 20–22 см квадратные в сечении со сторонами 0,8–1 см.

* В южном нефе лежни не вскрывались.

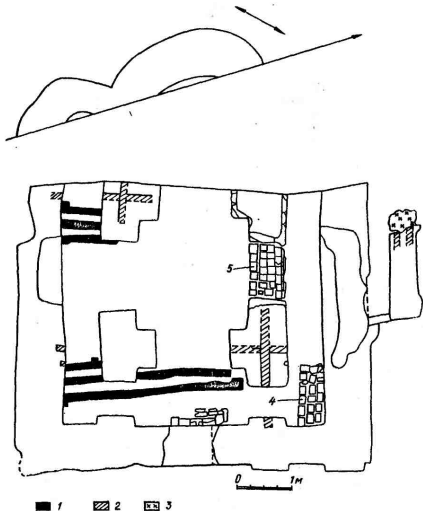

Рис. 5. План здания:

1 – внутрстенные связи; 2 – лежни под полом; 3 – шифер; 4–5 – саркофаги из плинфы

В интерьере здания лопатки имеются только на западной стене. Их ширина около 1,3 м, отступ от стены несколько менее 30 см. Столбы Т-образной формы. Выступы западных столбов обращены к соответствующим лопаткам западной стены (рис. 1). На выступах северо-восточного и юго-западного столбов сохранились нижние части арок (рис. 2, 3–4), свидетельствующие, что все четыре столба храма соеди-

нялись между собой и с лопатками западной стены арками. В северо-восточном и юго-западном столбах уцелели отверстия от деревянных связей, прямоугольных в сечении, шириной около 20 и высотой 20—30 см. Следы отверстий от связей сохранились в стенах напротив столбов. Несомненно, все столбы соединялись связями с соседними стенами. В северной и южной стенах, кроме того, открыты отверстия от торцов и более мелких деревянных вставок — шириной 10—15 и высотой до 7 см.

Деревянные связи, проходившие от стен к столбам, размещались на высоте 1,4—1,6 м от пола. Таким образом, в угловые помещения человек мог войти только нагнувшись. Но и в центральное пространство между столбами проходы были невысоки. Пяты арок, соединявших столбы, лежат на высоте 0,8—0,9 м от пола, а пята арки, идущей от столба к западной стене, — на высоте около 1,5 м. Учитывая ширину пролета между столбами, можно установить, что зенит арок находился на высоте около 2 м от пола. При толщине арок в одну плинфу это означает, что своды помещения размещались на высоте немногим более 2 м от пола. Даже если принять во внимание толщину сводов, то окажется, что кровля здания могла возвышаться над уровнем древней поверхности не более чем на 1 м. Столь невысокое сооружение, конечно, не могло существовать как самостоятельная церковь и являлось, по-видимому, нижним этажом под основным помещением.

В северной и южной стенах нижнего этажа вместо проемов расположены большие аркосольные ниши, предназначенные для погребений. Ниша в северной стене сохранилась почти целиком (рис. 2, 1). Ее длина 2,2, глубина около 1 м. Пол ниши на 0,8 м выше пола помещения, а высота арочной ниши около 1,2 м. В торцевой стене ниши плинфяная кладка образует декоративную выкладку (фото 1). Судя по сохранившимся остаткам, аркосольий в южной стене имел такие же размеры. Кроме аркосольных ниш, в помещении выявлены нижние части двух саркофагов, сложенных из плинф (рис. 5). Размеры саркофага между южными столбами 2,0 x 1,1 м, а саркофага в юго-западном углу — 2,0 x 0,8 м, так как одной из его стенок являлась стена помещения (фото 2). Плинфы саркофагов по размерам несколько отличаются от плинф храма: они толще, но меньше (30 x 23—25 x 4,5—5 см). Внутри здания и вблизи него найдены и обломки больших плит так называемого красного шифера (пиррофиллитовый сланец) толщиной 8—10 см, также, очевидно, от саркофагов. Все погребения, к сожалению, полностью разрушены еще в древности. Таким образом, назначение нижнего этажа не вызывает сомнений — это была усыпальница.

Второй этаж, то есть собственно помещение церкви, по плану, очевидно, совпадал с нижним этажом. Судя по тому, что в стенах не было утолщенных участков для размещения лестницы, церковь не имела хор. Видимо, в храме-усыпальнице ни нартекс, ни хоры не были нужны.

Вход в верхнее помещение церкви вел, очевидно, с юга, о чем сви-

детельствует небольшая стенка, проходящая параллельно южной стене здания. Она отстоит от наружной стены церкви на 0,7–0,8 м и имеет толщину 0,8–0,9 м. Западный ее конец сохранился, тогда как восточный обломан. Сохранившаяся длина немногим более 3 м. На наружной стороне стенки у ее западного конца сделана плоская лопатка. Судя по остаткам кладки, стенка соединялась с южной стеной церкви перемычкой, расположенной у ее западного торца. Сквозь стенку проходят две параллельные связи, отверстия от которых видны у восточного торца. Сооружение возведено в той же технике, что и основное здание, но с очень мелким фундаментом — всего 0,35–0,4 м от древней поверхности. Наиболее вероятно, что стенка является остатками крыльца и лестницы, ведшей в верхнее помещение.

Руины здания были засыпаны строительным мусором из развала этой же постройки: раствор с цемянкой, обломки плинф и мелкие камни, куски шифера. Судя по находкам, верхняя церковь была украшена бедно. В слое развала обнаружены многочисленные кусочки штукатурки с фресковой росписью, причем не только однофоновые, но и с фрагментами сложных геометрических узоров. На некоторых сохранились остатки надписей — граффити — главным образом благопожеланий. Собрано несколько десятков фресковых гвоздей с большими шляпками (диаметром 3–4 см). Многочисленны обломки керамических плиток для пола с глазурью желтого, зеленого и черного цвета, в том числе и фигурных "цитовидных", а также куски разноцветной смальты для мозаик пола. Найдены фрагменты сосудов-голосников из хорошо отмученной белой глины с высоким вертикальным горлом и незаглаженными следами налеха на внутренней поверхности (рис. 6, 1–4). На многих голосниках снаружи видны остатки раствора. Обнаружены также фрагменты оконных стекол, куски глиняных светильников (рис. 6, 5–8), обломки глиняных амфор и больших корчаг (рис. 6, 9–11), в которых, вероятно, хранилось церковное вино. Среди находок представлены несколько сотен обломков стеклянных браслетов зеленого, оливкового и фиолетового цвета, бытовая керамика, ножи, цилиндрические замки и ключи к ним, серебряная гривна киевского типа, неоконченное височное четырехбусинное серебряное кольцо, бронзовые складные весы, наконечники стрел и пр.

Вокруг храма находилось кладбище, на котором в 1985–1986 гг. было вскрыто около 100 погребений. Некоторые из них прорезали объекты X — первой половины XI в. В конце XII — начала XIII в., вероятно, при постройке парадных ворот княжеского двора, кладбище было засыпано почти метровой толщей гумуса и перекрыто вымосткой из плинф, образовавшей своеобразную площадь перед главным въездом на территорию двора.

Двухэтажные церкви-усыпальницы в русском зодчестве домонгольского периода до сих пор были нам не известны³. Поэтому исключительность раскопанного на черниговском детинце храма ставит перед

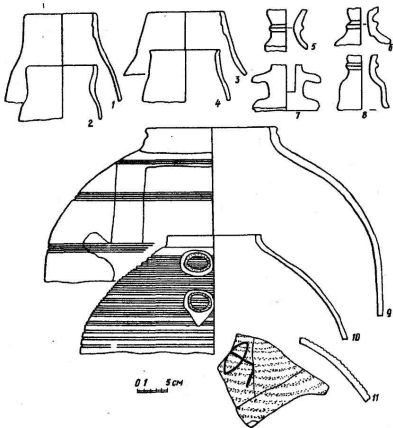

Рис. 6. Фрагменты керамических изделий из храма:
1-4 – голославков; 5-8 – подсвечников; 9-10 – корчаг; 11 – амфоры

нами задачу: выяснить, когда и при каких обстоятельствах было воздвигнуто здание, каково его место в развитии древнерусской архитектуры. Время возведения храма может быть установлено с достаточной уверенностью, так как памятник построен в технике кладки "со скрытым рядом", а уже во втором десятилетии XII в. в Чернигове началось строительство в совершенно иной, равнослойной технике⁴. Следовательно, храм-усыпальница построен до этого. Из "Слова о князьях" известно, что умерший в 1123 г. черниговский князь Давид Святославич был похоронен "в церкви святого Бориса и Глеба, от негоже и създана бысть"⁵. Если бы храм-усыпальница был построен по заказу князя Давида, то он был бы похоронен именно здесь, а не в Борисо-Глебском соборе. Таким образом, храм-усыпальница построен до начала княжения Давида Святославича, т.е. до 1097 г. вряд ли возможно пред-

положить, что этот храм построен в те два года, когда в Чернигове княжил брат Давида Олег Святославич (1094–1096). Тем более что князь Олег, умерший в 1015 г., также погребен не в этой усыпальнице, а в Черниговском Спасском соборе⁶. Видимо, усыпальница была возведена представителем другой княжеской династии, то есть до 1094 г.

В то же время храм не мог быть построен и намного раньше, о чем свидетельствует формат плинф. Так, в памятниках первой половины XI в. (Спасский собор в Чернигове, Софийский собор и Золотые ворота в Киеве) длина плинф, как правило, более 36 см, тогда как длина плинф храма-усыпальницы около 33 см, т.е. близки плинфам киевских построек конца XI в. Косвенно эти расчеты подтверждают и упомянутые выше стратиграфические наблюдения вблизи храма.

Никаких признаков романского влияния в данном памятнике не прослеживается. Все технические приемы и плановая схема свидетельствуют не просто о византийских, а о столичных константинопольских традициях. Константинопольские мастера-строители в XI в. несколько раз приезжали на Русь — в Киев и в Переяславль⁷. Однако Черниговский храм-усыпальница построен несомненно не киевскими и не переяславскими мастерами, а какой-то иной строительной артелью. Несмотря на значительное сходство строительной техники, своеобразие почерка черниговских строителей сказывается в системе формовки плинф. Плинфы переяславских мастеров имеют в качестве производственного знака рифление (примерно на 10 % плинф), а на кирпичах киевских мастеров XI в. вовсе нет каких бы то ни было производственных знаков. При строительстве же черниговского храма-усыпальницы мастера метили сырец с помощью выпуклых знаков на торцах⁸.

Предшественником князя Олега на черниговском столе был Владимир Мономах, княживший здесь с 1078 по 1094 г. По-видимому, он был заказчиком храма-усыпальницы. Сын греческой царевны, Мономах, конечно, имел достаточно тесные контакты с Константинополем, чтобы получить группу мастеров-строителей. Наиболее вероятно, что это произошло до 1081 г., так как после захвата императорского престола в Византии Алексеем Комнином отношения Мономаха с Константинополем значительно ухудшились. Поэтому наиболее вероятным временем приезда в Чернигов византийских строителей является период с 1078 по 1081 г., хотя нельзя, конечно, исключить и несколько более позднюю дату, вплоть до последних лет княжения Мономаха в Чернигове. Став в 1113 г. великим киевским князем, Мономах, естественно, уже не использовал в качестве родовой усыпальницы черниговскую постройку; этой цели стала служить киевская церковь Спаса на Берестове.

Кроме храма-усыпальницы приехавшие в Чернигов строители возвели здесь еще одну постройку, остатки которой были обнаружены Н.В.Холостенко в ходе раскопок в северном нефе Борисо-Глебского собора. Исследователь интерпретировал открытый памятник как кня-

жеский терем⁹, хотя такая интерпретация очень сомнительна, так как постройка раскопана частично, и поэтому ее первоначальный план и назначение не вполне ясны. Однако ее строительная техника полностью совпадает с техникой храма-усыпальницы.

В 1094 г. Владимир Мономах перешел на княжение из Чернигова в Переяслав, а затем в Киев и, по-видимому, забрал с собой строительную артель. Строительство в Чернигове прервалось. В Переяславе же за несколько лет до этого уже начала работать другая группа византийских строителей, вызванная переяславским епископом Ефремом¹⁰. Возможно, поэтому часть черниговской артели (плинфотворителей или часть их) оказалась ненужной и осталась в Чернигове, где они могли работать и в качестве гончаров. А когда в начале XII в. в Чернигов приехала новая строительная артель, они подключились к этой артели. Последним, вероятно, объясняется, почему система формовки, обжиг плинф в усыпальнице и в более поздних храмах (Успенский и Борисо-Глебский соборы, Ильинская церковь) совпадает, несмотря на существенные различия в характере кладки и других элементах строительной техники.

Памятников зодчества, возведенных на Руси в XI в., немного: общее количество монументальных сооружений, построенных до начала XII в. не достигает и 30. Естественно, открытие каждого нового памятника зодчества этой эпохи вносит существенные дополнения в наши представления о развитии русской архитектуры древнейшего периода. Однако в данном случае привлекает особое внимание не столько относительно ранняя дата раскопанного памятника, сколько его необычные типологические особенности.

Храм-усыпальница с подклетным этажом — явление для зодчества Древней Руси уникальное. Погребения в древнерусских церквях размещались в основном в самих помещениях или же в галереях в аркосольных нишах, саркофагах, стоявших на полу, а чаще под полом. Единственный пример подземной погребальной камеры под церковью известен в Пятницкой церкви Бельчицкого монастыря в Полоцке, построенной, по-видимому, в середине XII в.¹¹ Однако церковь эта в настоящее время не существует, а ее изучение было произведено настолько поверхностно, что нет даже полной уверенности, что подземная камера была сооружена одновременно с храмом, а не в более позднее время. Таким образом, черниговский храм-усыпальница в русской архитектуре домонгольского периода является единственной, где основное помещение церкви размещалось над подклетным этажом, специально предназначенным для погребения.

Подобный тип храма не характерен не только для Руси, но и для Византии. В Византии захоронения помещались обычно также в самой церкви, а не в специальной подземной камере. Более характерны двухэтажные церкви-усыпальницы для Болгарии, где они строились с конца XI до XIII в.¹² Это маленькие однонефные храмы. Исследователи отмечают, что болгарские усыпальницы генетически наследуют древней-

шую христианскую традицию, поскольку подобный тип церкви был распространен на христианском востоке в IV–VI вв.¹³ В период между VI и XI вв. подобные церкви не известны. Однако непосредственная связь с древней традицией в болгарских церквях сказывается даже в такой детали: подобно раннехристианским коптским усыпальницам, во всех схожих болгарских церквях вход в нижнюю, погребальную камеру ведет с запада, а в верхнюю церковь — с юга¹⁴.

И все же в Византии и даже в самом Константинополе примеры двухэтажных церквей известны. Так, довольно близкой аналогией болгарским небольшим храмам является однефная двухэтажная церковь-усыпальница, известная под турецким названием Богдан-сарай. Дата этой церкви неясна — XII или XIV в.¹⁵ Двухэтажная и гробничная церковь императора Романа Лакапина — Мирейлейон, построенная в 20-х годах X в.¹⁶ Однако, как выяснилось, нижний этаж этой церкви первоначально служил только субструкцией, а в погребальную камеру переделан в конце XIII или начале XIV в.¹⁷

И все же в Константинополе известна двухэтажная церковь-усыпальница, близкая черниговской как хронологически, так и типологически — Одалар-джами¹⁸. Очень плохая сохранность руин и отсутствие систематических исследований не позволяют полностью реконструировать даже план церкви. Тем не менее ясно, что церковь четырехстолпная, трехапсидная, возведена в XI или XII в.¹⁹ Техника кладки — из плинфы со скрытым рядом и с прокладками рядов отесанных камней. Наиболее существенное ее отличие от черниговского храма — наличие бемы. Высказывалось предположение, что первоначально она называлась церковью Марии Константинопольской²⁰.

Таким образом, хотя постройка двухэтажных церквей-усыпальниц не характерна для византийского зодчества, но отдельные примеры таких построек все же известны, а одна из них — церковь Одалар-джами — даже является довольно близкой аналогией черниговскому памятнику. И если бы выяснилось, что константинопольская церковь Одалар-джами являлась усыпальницей рода императора Константина Мономаха, семье которого принадлежала мать Владимира Мономаха, причина возведения в Чернигове подобного храма нашла бы логичное объяснение. К сожалению, ни точная дата памятника, ни личность его заказчика пока не установлены. Однако прямая связь черниговского храма с константинопольской традицией все же несомненна.

Наконец, раскопанный храм-усыпальница — наиболее ранний пример возведения на Руси четырехстолпной церкви. Возможно, примерно к этому же времени относится заложение четырехстолпной церкви в Минске, строительство которой так и не было завершено²¹. Следующая по времени четырехстолпная церковь — храм Иоанна Крестителя в Перемышле, построенная в 1119 г.²² Однако было бы неверно думать, что черниговский памятник был образцом, на который ориентировались при строительстве четырехстолпных церквей в более позднее время. Очевидно, различия между шести- и четырехстолпными

храмами не рассматривались как принципиальные. Это один и тот же тип церкви, но либо имеющей нартекс, либо без него. Хорошим примером, подтверждающим такой вывод, является собор Елецкого монастыря в Чернигове. В нем использованы плинфы двух размеров — один тип для столбов и арок, другой — для стен. Столбы, отделяющие нартекс от основного помещения, сложены из плинф, предназначенных для стен. Следовательно, с точки зрения строителей западная пара столбов и соединяющие их стены рассматривались как западная стена, отделяющая церковь от нартекса. Иногда такое разделение осуществлялось и в процессе строительства. Так, в соборах киевского Выдубицкого (1070) и новгородского Антониева монастыря (1116) вначале возвели основную часть здания и лишь через несколько лет с запада пристроили нартекс.

Таким образом, четырехстолпность черниговского храма вполне вписывается в общую типологическую схему русских церквей XI—XII вв. Гораздо более существенным отличием черниговского памятника является его двухэтажность. Но эта особенность не нашла продолжения в развитии русского зодчества домонгольского периода, ибо ко времени возведения черниговской усыпальницы в Киеве уже сложились достаточно прочные архитектурные традиции. В русской архитектуре определился ставший каноничным типологический и стилистический вариант храма, и памятники, не совпадавшие с этим типом, как правило, не оказывали существенного влияния на дальнейшее развитие русского зодчества. Черниговский храм-усыпальница остается уникальным памятником во всем зодчестве Руси домонгольского времени.

¹ *Веремеичик Е.М., Казаков А.Л., Коваленко В.П. и др.* Работа Чернигово-Северской экспедиции // АО 1986 г. — М., 1988. — С.261–262; *Большаков Л.М., Коваленко В.П.* Новый памятник давньоруського зодства XI ст. в Чернігові // Друга Чернігів. обл. наук. конф. з істор. краєзнавства. Тез. доп. — Вип.2. — Чернігів; Ніжин, 1988. — С.106–107; *Коваленко В.П.* Исследования детинца древнего Чернигова в 1984–1986 гг. : Исслед. храма XI в. в северо-восточной части детинца // Архив ИА АН УССР. — Т.7.

² *Гребінь П.М.* Знаки на плінфі собору останньої чверті XI ст. в Чернігові // Друга Чернігів. обл. наук. конф. — С.108–109.

³ *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X—XIII вв. : Каталог памятников. — Л., 1982.

⁴ *Раппопорт П.А.* Из истории киево-черниговского зодчества XII в. // КСИА АН СССР. — 1984. — Вып.179. — С.61.

⁵ *Памятники древней письменности.* — Спб., 1894. — Т.98. — С.26.

⁶ *ПВЛ.* — М. ; Л., 1950. — Ч.1. — С.200.

⁷ *Раппопорт П.А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // ВВ. — 1984. — Т.45. — С.185.

⁸ *Раппопорт П.А.* Знаки на плінфі // КСИА АН СССР. — 1977. — Вып.150. — С.28.

⁹ *Холостенко Н.В.* Черниговские каменные княжеские терема XI в. // Архитектур. наследство. — 1963. — № 15. — С.4.

¹⁰ *Каргер М.К.* Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований // СА. — 1951. — Т.15. — С.44.

¹¹ *Раппопорт П.А.* Русская архитектура... — С.99.

- ¹² *Грабар А.* Болгарские церкви-гробницы // Известия на Българския археологически институт. – София, 1924. – Т.1. – Св.2. – С.103; *Брунов Н.* К вопросу о болгарских двухэтажных церквях-гробницах // Там же. – 1927. – Т.4. – С.135; *Чангова Й.* Градоустройство и архитектура. – Перник; София, 1983. – Т.2. – С.86.
- ¹³ *Грабар А.* Болгарские церкви-гробницы... – С.107.
- ¹⁴ Там же. – С.123.
- ¹⁵ *Брунов Н.К.* К вопросу... – С.142; *Mathews T.F.* The Byzantine churches of Istanbul – Pennsylvania, 1976. – P.36.
- ⁷⁶ *Striker C.L.* The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istanbul. – Princeton; New Jersey, 1981. – P.6.
- ⁷⁷ *Ibid.* – P.33.
- ¹⁸ *Brunov N.* Die Odalar-Djami von Konstantinopol // Byzantinische-Zeitschrift. – Leipzig, 1926. – Bd. 26. – S.352.
- ¹⁹ *Mathews T.F.* The Byzantine churches... – P.220.
- ²⁰ *Schneider A.M.* Byzans // Istantuler Forschungen. – Amsterdam, 1967. – Bd 8. – S.62.
- ²¹ *Загорюльский Э.М.* Древний Минск. – Минск, 1963. – С.42.
- ²² *Раннопорт П.А.* Русская архитектура... – С.112.